

Двенадцать ножей

Короля смеха

Рос. газета, — 2000, — 25 авг., — с. 26

ВСЯ МОСКВА зачитывалась в свое время фельетонами Михаила Булгакова. Но несколько раньше титул "короля смеха" принадлежал другому писателю — Аркадию Аверченко. Нет достоверных сведений, встречались ли при жизни эти два замечательных мастера острого жанра, но бесспорно одно: в многогранной призме булгаковского творчества преломился и добрый свет аверченковской музыки.

На обложке журнала "Новый Сатирикон", посвященного столетию Маркса, писатель-сатирик Аркадий Аверченко поместил портрет основоположника научного коммунизма, а под ним — следующий текст: "Карл Маркс. 1818. Родился в Германии.

1918. Похоронен в России." Так мог пошутить только один человек — "король смеха" Аркадий Аверченко. По меткому замечанию писателя, фанатичные революционеры-большевики похоронили учение своего пророка в России. Еще бы, все ждали революцию — этакую "сверкающую прекрасную молнию... ослепительно яркую ракету, взлетевшую радугой среди сырого мрака!" Ждали все, даже те, кто потом оказался в унизительной эмиграции: Шаляпин и Бунин, Куприн и Гиппиус, Цветаева и Зямынин, даже Горький. "Прекрасная молния" обернулась убийствами, грабежами, концлагерями и расстрелами заложников...

Писатели первыми откликнулись на безбожные в своей жестокости выходы новой власти. Короленко стал взывать к совести Луначарского, Горький настойчиво спасал несчастных из безжалостных рук Зиновьева, Бунин тайно от всех писал "Окаянные дни", Куприн предпочел уйти в Финляндию с войсками Юденича. Булгаков оказался в белом стане на Северном Кавказе.

Бывший военврач деникинской армии подхватил знамя, выпавшее из рук "короля смеха", по едкому замечанию критика: "Булгаков хочет стать сатириком нашей эпохи". Теперь уже никто не будет отрицать, что он и стал сатириком нашей эпохи после блистательного Аверченко.

По природе дарования оба были лириками, оттого и юмор мягкий, даже сатира не злая, а сочувственная. Михаил Булгаков, приехав в 21-м году в Москву, покорила столицу блеском своего таланта. Его фельетоны в эмигрантской газете "Накануне" после первых же публикаций стали самыми читаемыми. Но если Аверченко мог смело шутить из далекой Праги, то Булгакову это удавалось со страниц пролетарского "Гудка".

Жизнь не баловала обоих, над обоими были занесены дамокловы мечи смертельных болезней. Надо иметь особое мужество, чтобы смеяться во времена невзгод и испытаний. Они смеялись и предлагали улыбаться другим...

"Имя мое — Аркадий Тимофеевич Аверченко. Родился в Севастополе 1881 года, 15 марта. Вероисповедания — православного. Отец был купцом, мать из мещан. Историю моего рода за недостаточностью данных последить трудно. Известно только, что дед мой (по матери) был атаманом шайки разбойников, держал под Полтавой постоянный двор и безо всякого зазрения совести грабил проезжих по большой дороге. Мать моя — добрая, кроткая женщина — вспоминает об этом с ужасом... Мой отец был очень хорошим человеком, но крайне плохим купцом. Сочетание этих двух свойств привело к тому, что он совершенно разорился к тому времени, когда мне исполнилось 10 лет... Поэтому учиться пришлось дома, с помощью старших сестер — довольно скудно... Будучи пятнадцатилетним застенчивым мальчишкой, попал на Брянский каменноугольный рудник (около Луганска) писцом и служил в ужасной, кош-

марной обстановке безвыходной ямы — три года. Потом переехал в Харьков на службу в той же акционерной компании".

Именно от унылой безысходности молодой чиновник и обратился к литературному труду. Его жизненный путь во многом оказался схож с жизнью и Михаила Булгакова, и Джека Лондона, всех, кто пришел на Парнас сквозь тернии жизни.

Аркадий Тимофеевич, сотрудничая в журнале "Стрекоза", сплотил вокруг себя интересных людей-единомышленников: Тэффи, Дымова, Сашу Черного. Вместе с ними он создал новый журнал "Сатирикон". Это скромное издание очень скоро завоевало сердца и симпатии российских читателей, его знали и любили все. Подобной популярностью в советские годы обладал разве что журнал "Крокодил".

Когда жизнь в большевистской России стала для Аверченко невыносимой и во многом опасной, он вместе с писательницей Тэффи с

супружеском союзе. Ленин — madame, представитель подчиняющегося, более слабого, женского начала.

И он одет соответственно: затрепанный халатик, на шее нечто вроде платка, потому что в Грановитой палате всегда несколько сыровато; на ногах красные шерстяные чулки от ревматизма и мягкие ковриковые туфли".

И эта-то комическая парочка руководит революционной ломкой России?

"Что такое революция? — вопрошает автор. — Это переворот и избавление. Но когда избавитель перевернуть — перевернул, избавить — избавил, а потом и сам так плотно уселся на ваш загорбок, что снова и еще хуже задыхаетесь, вы в предсмертной тоске и судороге голода и собачьего существования, когда и конца-краю не видно этому сиденью на вашем загорбке, то тогда черт с ним и с избавителем этим! Я сам, да, думаю, и вы тоже, если вы не дураки, — готовы воткнуть ему не только дюжину, а даже целый гросс "ножей в спину".

Я ДУМАЮ, что дюжина виртуальных ножей метила в спину не столько революции, сколько тем деятелям искусств, которые прославляли ее. Как скажем, Блок в поэме "Двенадцать".

Бальмонт с Блоком тоже оказались по разные стороны баррикад. "Революция хороша, когда она сбрасывает гнет, — писал Константин Дмитриевич Бальмонт. — Но не революция, а эволюцией жив мир. Стройность, порядок — вот что нужно нам, как дыхание, как пища. Внутренняя и внешняя дисциплина и сознание, что единственное понятие, которое сейчас нужно защищать всеми силами, это понятие Родины, которая выше всяких личностей и классов, и всяких отдельных задач..."

"Рождение революции, — писал Аверченко, — прекрасно, как появление на свет ребенка, его первая бессмысленная улыбка, его первые невнятные слова... Но когда ребенку уже четвертый год, а он торчит в той же колыбельке, когда он четвертый год сосет своему всунутую с самого начала в рот ножку, превратившуюся уже в лапу довольно порядочного размера, когда он четвертый год лепечет невнятные, невразумительные слова, вроде: "совнархоз", "уземельком", "совбур" и "революционком" — так это уже не умилятельный, ласкающий глаз младенец, а простите меня, довольно порядочный детина, впавший в тихий идиотизм.

Очень часто, впрочем, этот тихий идиотизм переходит в буйный, и тогда с детской никакого сладу нет!"

Вот и сегодня, спустя восемьдесят лет, сказочка Аверченко по-прежнему актуальна и современна.

Фортуна почему-то редко жалует юмористов... Аркадий Тимофеевич, здоровяк и весельчак, прожил всего сорок четыре года... В эмиграции, в Праге, очень тяжело заболел. Казалось, он начал поправляться, но вскоре после возвращения с курорта снова попадает в больницу.

"...На постели 2516, белой больницы постели, утром 12-го марта 1925 года скончался Аркадий Тимофеевич Аверченко...!"

Куприн вспоминал, что первый смех Аверченко был чист и беззлобен. Даже громогласный пролетарский поэт Маяковский, не жаловавший эмигрантов, посвятил ему, быть может, свои самые добрые строчки:

*А там, где кончается
звездочки точка,
месяц улыбается и заверчен, как
будто на небе строчка
из Аверченко...*

Могила замечательного русского сатирика находится на одном из пражских кладбищ и пребывает, по свидетельству писателя Виктора Кононецкого, отыскавшего ее, в удручающем, к нашему стыду, запустении.

Марина ЧЕРКАШНИНА.

огромным риском для жизни попытался пробраться на занятый белыми юг. По дороге они давали литературные концерты, недавняя громкая слава помогала им в пути. С собой везли сундук с вещами, за которые, конечно, боялись, потому решили всем говорить, что принадлежит он кухарке Федосье, обозначив тем самым пролетарское происхождение сундука. "А на всякий случай сверху положили портрет Ленина с надписью "Душеньке Феничке в знак приятнейших воспоминаний. Любящий Вова". Милая выдумка не спасла сундук от разграбления.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ им все-таки удалось пробраться на юг России, откуда Тэффи уехала в Париж, а Аверченко — в Чехию. Только там "король смеха" позволил себе наконец расслабиться и написать все, что он думал на самом деле о жизни под большевиками. Его новый сатирический сборник, вышедший в Париже в 1921 году, назывался "Дюжина ножей в спину революции". Не успела эта тоненькая книжечка увидеть свет, как один из героев его фельетона — В.И. Ленин назвал ее талантливой, правда, попеняв автору, что-де, когда он "свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно. Например, рассказ, изображающий Ленина и Троцкого в домашней жизни".

Еще бы, кому ж такое понравится? Аркадий Аверченко изобразил в едком политическом фельетоне такую вот семейную пару: "Троцкий, зятючий с утра в шеголеватый френч, обутый в лакированные сапоги со шпорами, с сигарой, вставленной в длинный янтарный мундштук, — олицетворяет собою главное, сильное, мужское начало в этом удивительном

Рос. газета, — 2000, — 25 авг., — с. 26